

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191221-240>

Исследовательская статья

Сампиев Исрапил Магомедович,
д. полит. н., проф., зав. кафедрой социологии и политологии
Ингушский государственный университет, Магас, Россия
israpil@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ БОЕВЫХ БАШЕН ИНГУШЕТИИ

Аннотация. Актуальность рассматриваемой проблемы, помимо ее гносеологического интереса, обусловлена и ее практической значимостью. Большое количество средневековых археолого-исторических памятников горной Ингушетии исчезает, разрушается на глазах, находится в полуразрушенном состоянии. Государство, провозгласив эти объекты культурного наследия ингушей своей собственностью, мало заботится об их сохранности, практически не выделяет средств на их консервацию и тем более реставрацию. Местным тейповым сообществам предлагается самим финансировать эти работы. Однако даже единичные случаи реставрационных работ за счет спонсоров вызывают множество споров и вопросов. В частности, одним из таких острых вопросов является вопрос о реставрации боевых башен по тому или иному их типу, поскольку они различаются своими конструктивными деталями, особенно в их кровельной части, наиболее подверженной разрушениям. Такие спорные ситуации возникли, например, при недавней реставрации боевых башен в поселках Харп и Бишт Джейрахского района Республики Ингушетия. В основе данной проблемной ситуации, как представляется, лежит несовершенство существующих классификаций ингушских боевых башен. Целью статьи является критический анализ основных принципов (оснований) классификации боевых башен и оценка их пригодности для реконструкции облика последних. Для достижения указанной цели предполагается проанализировать и сравнить имеющиеся в литературе классификации (включающие типы и виды боевых башен и их отличительные признаки), выявить их слабые и сильные стороны, а также оценить пригодность существующих классификаций как возможной научно-теоретической основы при реставрации ингушских боевых башен. В качестве методологической основы исследования в данной статье используется сравнительный анализ основных классификаций боевых ингушских башен, выявление возможных принципов классификации и их оценка с точки зрения пригодности для целей реконструкции внешнего вида кровель боевых башен, а также контент-анализ литературного реестра средневековых башенных сооружений Ингушетии. Результаты данного исследования могут способствовать выработке объективного подхода к реставрации ингушских боевых башен, у которых имеются объемные разрушения именно верхней части, в связи с чем в основном и возникают трудности в их классификации.

Ключевые слова: Ингушетия; Средневековье; башенная архитектура; боевые башни; ступенчато-пирамидальные и плоские кровли; классификация; реконструкция.

Для цитирования: Сампиев И.М. К проблеме классификации боевых башен Ингушетии // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 1. С. 221-240. doi.org/10.32653/CH191221-240

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191221-240>

Research paper

Israpil M. Sampiev,
Dr. Sci. (Politics), Prof., Head of Dept. of Sociology and Political Science
Ingush State University, Magas, Russia
israpil@yandex.ru

ON THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF MILITARY TOWERS OF INGUSHETIA

Abstract. The relevance of the issue under consideration, in addition to its epistemological interest, also lies in its practical significance. A large number of medieval archaeological and historical monuments of mountainous Ingushetia are disappearing, being destroyed before our eyes, and are in a dilapidated state. The government, having proclaimed these Ingush cultural heritage sites as its property, cares little about their safety, practically does not allocate funds for their conservation, let alone restoration. Local teip communities are invited to finance these works themselves. However, even isolated cases of restoration work at the expense of sponsors cause a lot of controversy and questions. In particular, one of such acute issues is the question of the restoration of military towers according to one or another of their types, since they differ in their structural features, especially in the roofing, which is most susceptible to destruction. Such controversial issues arose, for example, during the recent restoration of military towers in the villages of Kharp and Bisht, Dzheyrakhsy district of the Republic of Ingushetia. At the heart of this problematic situation, it seems, lies the imperfection of the existing classifications of Ingush military towers. The author attempts to conduct a critical analysis of the basic principles (foundations) of the classification of military towers and an assessment of their suitability for their reconstruction. To achieve this goal, we analyze and compare the classifications available in the literature (including types and kinds of military towers and their distinctive features), to identify their strengths and weaknesses, and to assess the suitability of existing classifications as a possible scientific and theoretical basis for the restoration of Ingush military towers. As a methodological basis for the study, this author uses a comparative analysis of the main classifications of Ingush towers, identification of possible classification principles and their assessment in terms of suitability for the reconstruction of the roofs of military towers, as well as a content analysis of the literary register of medieval tower structures of Ingushetia. The results of this study can contribute to the development of an objective approach to the restoration of the Ingush military towers, which have volumetric destruction of the upper part, being the main reason for the difficulties in their classification.

Keywords: Ingushetia; Middle Ages; tower architecture; military towers; stepped-pyramid and flat roofs.

For citation: Sampiev I.M. On the issue of classification of military towers of Ingushetia. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2023. Vol. 19. N. 1. P. 221-240. doi.org/10.32653/CH191221-240

Введение

Попытки классификации ингушских боевых средневековых башен по их кровле предпринимались с начала XX в. В описании Л.П. Семенова кратко сказано: «Кровля их различного рода – у жилых, более низких, плоская, у боевых, высота которых достигает 25 метров, троякого рода: плоская с барьером, плоская с зубцами на углах, увенчанная иногда конусообразными камнями (Цори), пирамидальная ступенчатая с конусообразным ...; обычное число ступеней кровли башен – 13... Нередко верхние окна башен бывают защищены навесными балкончиками (машикули)» [1, с. 10]. Никаких подробностей, кроме отнесения некоторых башен к тому или иному типу по их внешнему облику, автор не приводит.

Более подробная классификация боевых средневековых башен по их кровле дана в работе И.П. Щеблыкина. «В горной Ингушетии существует три вида древних крепостных сооружений: боевые башни, жилые башни и замки. Сторожевых башен, в полном значении этого понятия, здесь не встречается. Боевые башни делятся на два вида: с пирамидальной крышей и плоской; в свою очередь, башни с плоской кровлей бывают нескольких видов» [2, с. 3].

Отметим, что относительно сторожевых башен И.П. Щеблыкин ошибается, вероятно, участники экспедиций 1925-32 гг. не проникали в такие башни. А они, несомненно, были и еще некоторые до сих пор имеются, например: Кур-Гала, Гир-чоожский замок, Девичья башня, Зем-Гала, Пхагал-бяри Гала и др).

Значительное внимание И.П. Щеблыкиным уделено боевым башням: описан внешний вид, материалы, функциональное назначение, элементы декора, внутреннее поэтажное устройство и т.п. Весьма ценными являются сделанные им обмеры отдельных башен, поэтажные планы и чертеж разреза классической ингушской боевой башни со ступенчато-пирамидальной кровлей [2, с. 5, 8–9].

И.П. Щеблыкин дает такую классификацию плоскокровельных боевых башен: «Помимо башен с пирамидальными крышами, встречаются еще несколько типов башен. Один тип – с плоской кровлей. Выше кровли камни сложены без всякой заливки, служат как бы бруствером и материалом для защиты от нападающих. Основание подобных башен не всегда бывает квадратным. Другой тип, башни с плоской кровлей. Имеет подобие амбразуры без верхнего перекрытия. Амбразуры обычно заполнялись камнями. Такой тип башни мы наблюдали в Мецхале в замке Точиева. И, наконец, последний тип – башни с амбразурами, защищенными машикулями, с плоской кровлей и с оригинальными, высеченными из цельного камня, фигурными столбиками по всем четырем углам. Подобную башню наблюдали в ауле Цори. Некоторые из этого вида башен встречаются в пять этажей, иные же бывают в четыре этажа. Второй этаж имеет сводчатое перекрытие» [2, с. 11].

Проф. Е.И. Крупнов, в свою очередь, классифицировал завершения боевых башен следующим образом: «Крыши башен бывают нескольких видов: 1) плоская, с барьером; 2) плоская, с зубцами на углах, увенчанная камнями конической формы; 3) пирамидальная, ступенчатая, с коническим замковым камнем» [3, с. 88].

Как видно, на первоначальном этапе изучения ингушских боевых башен выделяются два их типа (со ступенчато-пирамидальной и плоской кровлей) и две-три разновидности плоскокровельных. Хотя все три вышеуказанных автора собирали фактический материал в одних и тех же экспедициях в 1925-1932 гг., тем не менее, в их

классификациях имеются разночтения в терминологии касательно плоскокровельных завершений боевых башен.

Из общего ряда выпадает выделенный И.П. Щеблыкиным тип плоскокровельных башен, у которых есть бруствер из камней безо всякой заливки для защиты от нападающих. Существование такого вида плоскокровельных башен вызывает сомнение. Во-первых, наличие такого вида боевых башен не могли не заметить Л.П. Семенов и Е.И. Крупнов, а впоследствии в своей классификации и проф. М.Б. Мужухоев. Во-вторых, практическая ценность такого бруствера была бы ничтожна, поскольку он не позволил бы стрелять, будь то из лука или огнестрельного оружия, в рост. Практически невозможно было бы использование такого бруствера не только для стрельбы по противнику, подошедшему на близкое расстояние к башне, но и для сбрасывания на него камней, поскольку защитник сам оказывался бы уязвимым для обстрела. Кроме того, не скрепленные в кладке камни могли слететь при штормовом ветре, сильном дожде или землетрясении и создать угрозу жизни людей и разрушения жилых и хозяйственных построек.

Если обратиться к материалам соседних регионов, где имеются в основном плоскокровельные боевые башни, то такого рода завершений нет ни у осетинских, ни у горногрузинских башен, поскольку «завершающая часть осетинских башен, как и абсолютного большинства грузинских, устраивалась в виде открытой террасы, где стены играли роль заградительного парапета, высота которого зависела от роста человека» [4, с. 77]. Но бруствер из наваленных камней – вовсе не заградительный парапет.

Возможно, для жилых и полубоевых башен, которые предназначались для защиты от неожиданных ночных нападений мелких шаек разбойников, такая система защиты могла иметь место, но для противостояния приближающемуся воинскому отряду, о котором сигнализировалось заранее с других боевых или сторожевых башен, метод сбрасывания камней вряд ли мог быть эффективным, во всяком случае, после появления огнестрельного оружия.

На основе изложенного, представляется, что вид плоскокровельных башен «с бруствером» выделен И.П. Щеблыкиным ошибочно и речь идет о башнях, которые изначально были либо пирамидально-ступенчатыми, либо плоскокровельными. Имея разрушения верхнего этажа, и те, и другие внешне выглядят как плоскокровельные, но без барьера (или в иных терминах, парапета). Верхние ряды кладки таких башен, как и жилых, из-за выщелачивания раствора, выглядят как изначально «не залитые», что могло ввести в заблуждение Щеблыкина. Похоже, в дальнейшем другие авторы машинально воспроизводили этот умозрительный «тип» кровли, фиксируя по внешнему виду сохранившихся нижних частей, изначально разных по виду боевых башен.

Из литературных описаний, с учетом приведенных классификаций, ингушские плоскокровельные боевые башни можно классифицировать на следующие виды: 1) с амбразурами без верхнего перекрытия, каменным сводом второго этажа, входом на втором этаже и без машикулей (как в Мецхале); 2) без каменного свода второго этажа (со сквозной камерой), с входом на первом этаже, с зубцами на углах и с машикулями (как в Цори или в башнях Двух соперниц), или то же самое без машикулей (как в Вовнушки), увенчанная камнями конической формы. Был ли последний элемент обязательным или факультативным, пока не установлено.

Основными конструктивными элементами, по которым можно различать эти два вида плоскокровельных башен, выступает наличие каменного свода второго этажа и расположение входного проема. М.Б. Мужухоевым тип II боевых башен описан так: «Боевые башни с плоской крышей в свою очередь могут быть подразделены на два

вида. Первый вид. Башни зубчатые. Они имеют плоское покрытие и надкровельное продолжение стен с устройством четырехсторонних прямоугольных бойниц без верхнего перекрытия. По всем углам (зубцам) устанавливались фигурные столбы конической формы из белого камня. Второй вид близок первому. Он отличается наличием по верхнему этажу четырехсторонних боевых окон стрельчатой формы с «машикулями» [5, с. 23]. Общий вид плоскокровельной боевой башни представлен на рис. 1а. На рис. 1б представлен второй вид плоскокровельных боевых башен Ингушетии.

В последующие десятилетия различным аспектам средневековой ингушской архитектуры, в т.ч. боевым башням, посвятили свои работы такие авторы, как В.Н. Басилов и В.П. Кобычев [6], М.Б. Мужухоев [5], В.Б. Виноградов и В.И. Марковин [7], Д.Ю. Чахкиев [8], А.И. Робакидзе [9], А.Ф. Гольдштейн [10] и др. Однако большинство из них написаны в рамках исследования более обобщенных историко-археологических и архитектурных проблем, а специальных работ, посвященных проблеме классификации боевых башен, с выявлением четких признаков, позволявших реконструировать их облик, не было предложено, за исключением раздела в работе М.Б. Мужухоева, который мы проанализируем ниже.

По существу, работа шла в направлении усовершенствования и уточнения выработанной в 20-е годы XX в. классификации. Конечно, когда мы имеем дело с сохранившимися в целом башнями, проблем с реставрацией или реконструкцией не возникает, остается просто отнести исследуемую башню к определенному типу или виду. Но дело в том, что большинство боевых башен в очень плохой сохранности, и отсутствуют именно верхние ярусы, поэтому просто идентифицировать их видовую принадлежность не удается. Иногда в этом вопросе могут помочь фольклорно-этнографические данные. К сожалению, они по определению субъективны, а зачастую искажены и интервьюерами в угоду идеологических установок, а посему не могут служить надежной основой для классификации. Таким образом, для башен с разрушениями верхних ярусов, при отсутствии их старых фотографий или рисунков (а многие из них были в разрушенном состоянии задолго до появления фотографии или исследователей), сделать это по существующей описательной классификации на практике затруднительно.

В целом при классификации боевых башен обычно брался за основу какой-либо один принцип или основание классификации, дополняемый иными, чаще всего умозрительными, аргументами. В качестве таких оснований для классификации боевых башен в литературе можно выделить следующие принципы: социально-классовый; территориальный или субэтнический; хронологический; конструктивно-функциональный. Рассмотрим эти принципы с точки зрения их возможностей для реконструкции облика боевых башен, имеющих разрушения верхнего яруса или больше.

Социально-классовый принцип

В советский период все ученые вынуждены были в той или иной мере руководствоваться (или делать вид, что руководствуются) марксистско-ленинским учением как универсальным философско-мировоззренческим основанием для исследований в самых различных областях познания. Но особенно пристально соблюдалась идеологическая чистота в гуманитарных науках, прежде всего в исторических исследованиях. Поскольку положения марксизма, как правило, не могли быть напрямую применены к предмету исследования, ученые зачастую просто делали ритуальные «реверансы»

положениям этой идеологии и имели возможность заниматься своим делом, исходя из соображений формальной логики, наличия эмпирического материала и с применением доступных научных методов.

Попытки обоснования феодального строя в средневековой Ингушетии [11; 12, с. 118–159], подверглись справедливой критике и не получили своего полного развития [13, с. 15–142]. Но марксистская установка должна была быть обязательно реализована, и авторы, каждый по-своему, пытались учесть ее требования. Характеристику этой ситуации дал в одной из своих работ В.Б. Виноградов: «В советской историографии отвергнуты унаследованные от дворянско-буржуазной науки представления о том, что горцы Кавказа вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции находились на доклассовой, патриархально-родовой ступени развития. Не получил в ней признания и тезис о рабовладельческом характере их древнейших классовых обществ. В противовес названным версиям сложилась и стала фактически общепризнанной концепция развития классового общества у населения горного Кавказа по пути разложения общинного быта и формирования раннефеодальных отношений. Однако среди большинства ее сторонников нет единомыслия: они либо принижают уровень социальной организации горцев, акцентируя внимание на пережитках первобытно-родового строя в ущерб оценке феодализирующегося характера местных обществ, либо допускают преувеличение степени развития у них феодальных отношений, либо уклоняются от конкретизации своих взглядов, ограничиваясь нечеткими суждениями общего плана» [14, с. 35].

Согласовывать установки классовой теории с наличным историко-этнографическим материалом было непросто, и поэтому известные кавказоведы были вынуждены констатировать: «...социальное расслоение в период возникновения башенных селений у ингушей зашло далеко. В дальнейшем этот процесс по неясным пока для нас причинам приостановился, и возможно именно поэтому мы так и не находим в горах Ингушетии даже следов феодальных укреплений владетеля, господствовавшего над целой округой, или, наоборот, - незащищенных поселений зависевшего от него крестьянства» [6, с. 129].

В конечном итоге, для разрешения этого неявного диссонанса, исследователям пришлось подвергнуть «ревизии» классическую марксистскую теорию и изобрести особенный «горский феодализм» [15, с. 15–24], концепция которого позволяла, с одной стороны, удовлетворять условию «классовости» в исследованиях, с другой – избегать неизбежных «суждений общего плана» и рассуждений хотя и о «военной», но все-таки «демократии».

В целом для целей нашего исследования можно констатировать, что хотя социальная дифференциация в средневековой Ингушетии, как и в любом обществе, имела место, она не воплотилась в какие-либо выраженные и устойчивые институциональные формы, т.е. объективно не могла сформироваться в собственно классовые отношения, а потому не могли найти отчетливое отражение в таких объектах материальной культуры, как боевые башни и замки. Поэтому социально-классовый подход в решении проблемы реконструкции разрушенного облика ингушских боевых башен объективно малопродуктивен, что не исключает наличия пережитков его редуцированных положений в сознании некоторых ученых и чиновников. Однако сами фактические материалы по количеству и концентрации боевых башен, как в горной Ингушетии, так и в соседних регионах, позволяют исключить классификацию ингушских боевых башен по социально-классовому принципу.

Например, об обратной связи концентрации боевых башен Ингушетии, Северной Осетии и Чечни с социально-классовой дифференциацией Гольдштейн А.Ф. писал: «Представляется маловероятным, чтобы боевые башни в глубинных районах Чечено-Ингушетии и Северной Осетии в средние века строились лишь привилегированными семьями, как и то, что они «служили средством защиты в случае нападения соседних феодалов и иноземных захватчиков». Иноземные захватчики не проникали в высокогорный район Чечено-Ингушетии. Феодалов здесь тоже не было. Как раз в восточной части Чечни, по отношению к которой в первую очередь можно говорить о классовой дифференциации в период Позднего Средневековья, башни единичны, а на значительном пространстве их вообще не было, тогда как в глухих отдаленных ущельях Внутренней Чечни они буквально на каждом шагу» [10, с. 33].

Аргументированное суждение по этому поводу высказал, опираясь на наблюдения Р.Г. Дзаттиати, и известный осетинский археолог В.Х. Тменов: «... количество башен находилось в обратной зависимости от уровня развития феодальных отношений в различных осетинских обществах. Так, в Дигории и Тагаурии, где феодализм в силу сложившихся исторических условий получил большее развитие, боевых башен было меньше, что, собственно, неудивительно, поскольку социальные верхи не были заинтересованы в усилении военной мощи крестьянских масс [4, с. 75].

Из изложенного ясно, что социально-классовый признак не может служить основанием для классификации ингушских боевых башен и никоим образом не позволяет реконструировать их изначальный облик. Но поскольку социально-классовую дифференциацию пытались реализовать через территориально-субэтническую модель, то рассмотрим и ее.

Территориальный или субэтнический принцип

Если говорить о конструкции и внешнем облике кавказских боевых башен, то большинство исследователей отмечали сходство их архитектурных форм, связанное в первую очередь со схожими географическими и социально-историческими условиями их генезиса и функционирования. В то же время различные регионы Центрального Кавказа (Горная Грузия, Осетия, Ингушетия и Чечня) имеют свои региональные особенности. В целом район распространения боевых башен имеет схожие социокультурные, природно-климатические, физико-географические и топографические условия, что и предопределяет их схожесть. Определенная соотнесенность концентрации башен с социально-классовым аспектом с известной локализацией последнего, наблюдается, как видно из упомянутых цитат В.Х. Тменова и А.Ф. Гольдштейна, в отношении горных районов Северной Осетии и Чечни.

Такое гипотетическое соотнесение отдельные авторы пытались декларировать в рамках общей теории социально-классовой дифференциации и в отношении средневековой Ингушетии. Однако, за неимением фактического материала эта работа свелась, по существу, к попытке внедрения в марксизм диковинной для него модели «коллективного феодала». В качестве такового выдвигалась территориально-родовая группа «Кхакхале», или как его пафосно обозначали «феодальное гнездо Галгайче». Подробно эта концепция была критически проанализирована Ш. Э. Дахкильговым, аргументированно и убедительно доказавшим ее антинаучный статус [13, с. 15–142], что избавляет нас от необходимости отвлекаться на подобный разбор.

Вместе с тем, учитывая, что хотя и в неявной форме в этой концепции «коллективного феодала» присутствует попытка привязать к нему один тип боевых башен (а именно со ступенчато-пирамидальной крышей), полезно верифицировать данную концепцию и воплощенный в ней «социально-классовый принцип» с «территориальным» на фактическом ингушском материале.

Воспользуемся для анализа реестром известных на сегодня боевых башен Ингушетии, содержащемся в обобщающем труде археолога Д.Ю. Чахкиева [8; 16], с целью выявления тенденции их локального распределения и концентрации. Описание идет последовательно с запада на восток по отдельным ущельям. Всего в двух томах «Древностей горной Ингушетии» описано 147 боевых башен, из которых 69 со ступенчато-пирамидальной крышей, 42 – с плоской крышей и парапетом, 36 с зубчатым завершением.

В Армхинском ущелье 26 боевых башен со ступенчато-пирамидальной крышей, 19 – с плоской крышей и парапетом, 17 с зубчатым завершением, итого 53 башни. В Чулхойском ущелье 9 башен со ступенчато-пирамидальной крышей, 0 – с плоской крышей и парапетом, 6 с зубчатым завершением, итого 15 башен. В Галгаевском ущелье 15 со ступенчато-пирамидальной крышей, 4 – с плоской крышей и парапетом, 0 с зубчатым завершением, итого 19 башен. В Ассинской котловине 6 башен со ступенчато-пирамидальной крышей, 11 – с плоской крышей и парапетом, 0 с зубчатым завершением, итого 17 башен. На Цорей-ламском горном перевале 10 боевых башен со ступенчато-пирамидальной крышей, 3 – с плоской крышей и парапетом, 2 с зубчатым завершением, итого 15 башен. В Гулохойском ущелье 3 со ступенчато-пирамидальной крышей, 5 – с плоской крышей и парапетом, 10 с зубчатым завершением, итого 18 башен. И в Нелхском ущелье 1 башня с зубчатым завершением.

Если считать по двум традиционным шахарам – Кистинском и Галгаевском, по их границам, бытовавшим накануне включения Ингушетии в состав Российской империи, то на их долю приходится, приблизительно (поскольку есть небольшие расхождения о принадлежности того или иного ущелья или населенного пункта к тому или иному шахару): в Кистинском шахаре, включая Армхинское и Чулхойское ущелье: 35 башен со ступенчато-пирамидальной крышей, 19 – с плоской крышей и парапетом, 23 – с зубчатым завершением, итого 77 боевых башен. В Галгаевском шахаре, более многочисленном и включавшем Галгаевское ущелье, Ассинскую котловину, Цорей-ламский горный перевал, Гулойхийское и Нелхское ущелье: 34 башни со ступенчато-пирамидальной крышей, 23 – с плоской крышей и парапетом, 13 – с зубчатым завершением, итого 70 боевых башен.

Проведенный контент-анализ выявленных и учтенных боевых башен в горной зоне Ингушетии показывает равномерное распределение по шахарам башен по типам их кровли: в Кистинском обществе 35 башен со ступенчато-пирамидальной крышей и 42 плоскокровельных, в Галгаевском обществе 34 башни со ступенчато-пирамидальной крышей и 36 плоскокровельных. В целом можно говорить о равномерном распределении боевых башен всех типов по шахарам, что свидетельствует о явной ошибочности попыток увязать «социально-классовое разделение» с территориальным распределением боевых башен и их концентрации в условиях средневековой Ингушетии.

С точки зрения цели нашего исследования это означает, что установка на реконструкцию полуразрушенных башенных построек, исходя из мифологической социально-классовой дифференциации и якобы доминирования того или иного типа боевых башен в определенном районе Ингушетии, научно несостоятельна.

Хронологический принцип

Достаточно обстоятельный обзор существующих в литературе разных точек зрения на хронологию северокавказских башенных построек сделал в своей работе проф. В.Х. Тменов, который отмечал: «...клубок хронологических проблем, усугубленный пресловутой (но признаваемой и нами) архаичностью большей части исследуемых объектов Северной Осетии и сопредельных территорий, достаточно запутан, о чем можно судить и по противоречивости высказанных по данному вопросу мнений» [4, с. 99–105].

Указывая, что Г.А. Кокиев и Е.И. Крупнов датировали осетинские и вайнахские башни с плоскими перекрытиями XIV–XV вв., отметив при этом их архаичность по отношению к постройкам с пирамидально-ступенчатой кровлей, В.Х. Тменов резюмирует: «В целом тезис о большей древности плоскокровельных башен общепризнан, но пока не накоплен достаточный объем датирующего археологического материала, к нему все же следует относиться с осторожностью, ибо развитие средневековой архитектуры, как и всего общества, сложный и противоречивый процесс» [4, с. 99–105].

Последнее может пониматься в том смысле, что речь идет о большей древности плоскокровельных башен именно как типа по сравнению со ступенчато-пирамидальными, а не об априорной древности конкретной плоскокровельной башни или их группы. Датировка башен носит дискуссионный характер, поэтому определять облик реконструируемого башенного объекта на основе хронологического принципа на практике затруднительно. Иногда, правда, мы имеем информацию о заказчике или строителе башни, и можно приблизительно, по количеству поколений в родословной, рассчитать время постройки боевой башни. Но этот метод не всегда применим и в целом не носит универсальный характер.

В последние годы в регионе предприняты попытки решить проблему датировки ингушских башен и иных произведений архитектуры методом радиоуглеродного анализа [17; 18; 19]. Однако пока получены датировки всего по пяти боевым и двум полубоевым башням. Этих материалов, конечно, очень мало для требуемой систематизации и выведения каких-либо закономерностей. Здесь предстоит огромная работа по полной датировке всех выявленных памятников, систематизации, сопоставлении с датировками, полученных чисто археологическими методами, и выявление определенных закономерностей. Но нужно признать, что такая база позволит определять нижний диапазон бытования того или иного типа и вида боевых башен, но не даст надежной информации в отношении облика башен моложе этой границы.

Это обстоятельство поднимает вопросы, без решения которых хронологический принцип сам по себе мало что дает для реконструкции облика боевых башен. Во-первых, башни разного типа и вида могли строиться синхронно, не существенно по какой причине (разнице в затратах, традиционный или религиозный канон и т.п.). И во-вторых, если рассмотреть конструкцию башен, которые Д.Ю. Чахкиевым определены в «Древностях горной Ингушетии» как плоскокровельные со сводом второго этажа, с машикулями или без таковых, то окажется, что они отличаются от башен со ступенчато-пирамидальной кровлей только отсутствием стрельчатых окон и собственно ступенчато-пирамидального завершения. И здесь возникает резонный вопрос: что или кто мешал владельцам такой башни просто достроить ее, ведь содержание башни с

открытой плоской кровлей, не защищающей от дождей и снега, требует значительного внимания.

То же самое можно сказать и о башнях без внутреннего свода второго этажа, но с амбразурами и машикулями. Да и в отношении любого вида плоскокровельных башен возникает тот же вопрос: почему нельзя было достроить башню со ступенчато-пирамидальной кровлей, пусть и без машикулей (технически и их соорудить не сложно). Пока ответов на эти вопросы нет. Архитектором Гольдштейном высказывалось мнение, что, возможно, у плоскокровельных боевых башен могли быть шатровые деревянные кровли, что было бы вполне логично. Но пока не найдено этому археологическое подтверждение, это предположение не отвечает на поставленный вопрос.

Еще одним важным дополнительным аргументом по датировкам может служить наличие в некрополе склепов с пирамидально-ступенчатым завершением (рис. 2). Как отмечал М.Б. Мужухоев, «распространение боевых пирамидальных башен повлекло за собой строительство нового, не известного ранее типа погребальных построек – башнеобразных склепов, которым по времени предшествуют надземные усыпальницы с вытянуто-прямоугольным основанием и двускатным верхом. Это положение признается всеми без исключения исследователями вайнахских средневековых памятников» [5, с. 39].

В целом, без аргументированного и убедительного ответа на поставленные вопросы, попытки классифицировать башни, исходя из хронологического принципа или исключительно по их современному внешнему виду, не могут быть признаны годными для реставрационных целей.

Конструктивно-функциональный принцип

Почти все авторы, писавшие о боевых кавказских башнях, в большей или меньшей степени затрагивали вопросы их функционального назначения и связанных с ними конструктивных особенностей. Можно сказать, что у специалистов сложился консенсус по поводу основной функции боевых башен – оборонительной (защитной). Вместе с тем, специальной системной классификации, охватывающей все аспекты функционально-конструктивного принципа, которая позволила бы надежно реконструировать их облик, разработано не было. В этом плане привлекает внимание классификация, разработанная проф. М.Б. Мужухоевым [5], которая в целом нацелена на реализацию конструктивно-функционального принципа. Но каковы возможности классификации М.Б. Мужухоева с точки зрения ее возможностей реконструкции внешнего облика ингушских боевых башен в тех случаях, когда верхний (верхние) ярусы разрушены, что, собственно, и является основной проблемой при реставрации ингушских боевых башен?

М.Б. Мужухоев относил к типу I боевые «пирамидальные башни», т.е. башни с пирамидально-ступенчатым завершением. Как отмечал проф. А.И. Робакидзе, «...наиболее оригинальным в башенной культуре Ингушетии является верхнее перекрытие башни. Оно складывается из плитняка или шифера в виде ступенчато-пирамидальной крыши, причем число не часто и ненамного отклоняется от тринадцати. Такого рода крыша, именуемая ч¹ерх, заканчивается вертикально поставленным камнем высотой около 30–40 см, чем и заканчивается башня» [9, с. 65]. Устройство и разрез башни с пирамидально-ступенчатой кровлей представлены на чертеже И.П. Щеблыкина [2, с. 29] (рис. 2).

По описанию М.Б. Мужухоева, башни со ступенчато-пирамидальной кровлей в плане почти всегда квадратные с размерами у основания от 4×4 м до 7×7 м. В то же время, судя по литературным данным (здесь и дальше мы будем использовать работу Д.Ю. Чахкиева «Древности Горной Ингушетии»), некоторые плоскокровельные башни также в плане почти квадратные, квадратный план отмечается на таких башнях плоскокровельного типа как: Мяшки (5×4,95 м), Мецхал (4,45×4,45 м), Бялган (5,10×5,05 м).

Следующий признак, выделенный М.Б. Мужухоевым для ступенчато-пирамидальных башен (башен типа I) – это их общая высота, которая колеблется между 20–30 м, при этом нередко угол сужения (наклона) стен достигает 11°.

Возможно, что это не исключительный признак, поскольку в литературе такие параметры обнаруживаются у плоскокровельных башен Мяшки (26 м), Цори (23–24 м), Бархане (две башни по 24 и 25 м соответственно). Угол наклона стен 10°–11° фиксируется в литературе также у плоскокровельных построек на территории архитектурных комплексов Кяхк, Евлой, Верхний Пялинг, Вовнушки.

Проф. Мужухоев отмечал также, что первый этаж всех осмотренных им «пирамидальных башен» является глухим, что усиливало прочность основания башни; в полу устраивались глубокие каменные колодцы. Сообщение со вторым и последующим этажами внутри башни осуществлялось через лазы, оставленные в межэтажных перекрытиях. Сами межэтажные перекрытия боевой башни, в отличие от перекрытий жилой башни, были двух форм. Второй и пятый этажи «пирамидальных башен» всегда заканчиваются каменными сводами, причем первый из них, как правило, укреплен крестообразно выступающими камнями (гуртами) (рис. 3). Второй этаж пирамидальной башни, как и три верхних, снабжен боевыми нишами, световыми окнами, а также единственной во всей постройке дверью-лазом [5, с. 22].

Вместе с тем, единственная дверь-лаз на втором ярусе присутствует также в некоторых башнях, которые в литературе определяются как плоскокровельные: например, в боевых башнях Дудара, Харпе, Мелере, Биште, Гадаборш, Бархане, где описан единственный входной проем на уровне второго этажа, как и в башнях с пирамидально-ступенчатым венчанием.

Следующий элемент башен – каменные своды второго этажа. М.Б. Мужухоев вполне логично и убедительно обосновал их функциональное назначение: «...Как нам представляется, свод из камней был необходим для укрепления обороны верхних этажей башни. Если противник, скажем, проникал внутрь постройки через дверной лаз второго этажа, то защитники ее могли продолжать сопротивление только при наличии свода из камня. При достаточном запасе боеприпасов и питания оборона могла быть продолжена. Если же перекрытие было деревянным, то при отказе капитуляции нападающим достаточно было бы развести большой костер, чтобы сжечь ближайшее перекрытие и заполнить все помещение дымом, в котором задохнулись бы все, находящиеся на верхних этажах» [5, с. 30]. Оборонительную функцию каменного свода подчеркивает и В.К. Афанасьева относительно древних башенных сооружений Месопотамии [20, с. 64].

Некоторые авторы подвергают сомнению оборонительное назначение каменных сводов второго этажа, исходя только из их значения как элемента укрепления конструкции. Но, во-первых, этот вопрос дискуссионный [6, с. 125–127], а во-вторых, одно назначение другому никак не мешает. И в-третьих, нужно учитывать и еще такое немаловажное обстоятельство, что на втором этаже устраивался очаг, и была высокая вероятность возникновения пожара, при котором выгорела бы вся башня. Хотя в жилых башнях и встречаются дымоходы для очага наподобие камина, и теоретически

исключить такую конструкцию для боевых башен, особенно поздних, нельзя, тем не менее, большинство обследованных боевых башен не имело дымоходов и, как отмечал И.П. Щерблыкин, «во всех наблюдаемых башнях потолок, настил, балки второго этажа, – все густо закопчено и покрыто окаменевшей копотью, затвердевшей настолько, что куски ее с трудом отбиваются железным наконечником палки. В других этажах не наблюдается такой закопченности стен и потолков; следовательно, очаг был только во втором этаже» [2, с. 7].

Отметим, что каменные своды второго этажа с выступающими гуртами отмечены также и в определяемых в литературе как плоскокровельные башнях в Мецхале, Харпе, в замке Дударова, Мелере, Кошке, Биште. С учетом этого, можно только констатировать, что в литературе башни со ступенчато-пирамидальной крышей и отсутствием каменного свода второго этажа обнаружить не удалось.

Далее М.Б. Мужухоев отмечал, что боевые башни первого типа, как правило, «входят в состав крупных и малых средневековых поселений, расположенных в местах легкодоступных, подход к которым не был естественно укреплен. Понятно, что здесь должен был выработаться свой особый тип крепостных построек, вполне надежных и устойчивых в смысле обороны. Боевая башня с пирамидальным перекрытием как раз и представляет собой подобный тип. Здесь, на наш взгляд, все учтено, исходя из возможности противника, хотя и под огнем, вплотную подойти к стенам.

Во-первых, вход боевой башни сравнительно высоко поднят над землей – в данном типе башен он всегда только один, и всегда на уровне второго этажа. Это, естественно, затрудняет проникновение вовнутрь. Во-вторых, вторая камера имеет как непрямую конструктивную деталь каменное сводчатое перекрытие с перекрещивающимися в центре двумя гуртами, в то же время все другие этажи образованы балочными деревянными настилами горизонтальными перегородками...» [5, с. 30].

Схожие, но несколько иные соображения по поводу основных двух типов боевых башен Ингушетии привел архитектор А.Ф. Гольдштейн: «Классические вайнахские боевые башни высятся главным образом в селениях, расположенных в долине или на пологом склоне. Причина этого, с одной стороны, в том, что лишь владельцы хороших земель были достаточно состоятельны для строительства башни, а с другой – в том, что эти участки были легко доступны, и жилища на них требовали усиленной фортификации на случай необходимости обороны. На той же территории Ингушетии и Чечни, где имеются башни с пирамидальным венчанием, есть башни и другого типа: с плоской земляной крышей, возведенные технически менее совершенно. Они расположены на более труднодоступных и, что то же самое, более бедных земельных участках» [10, с. 240].

Правда, А.Ф. Гольдштейн также писал, что «башни с пирамидальными крышами встречаются не только на легкодоступных участках, но и на взгорьях. Например, в Ингушетии, против селения Тумгой, виднеется такая башня, находящаяся на высокой горе, местные жители говорят, что это самое высокорасположенное селение района» [10, с. 42]. Вопрос в целом дискуссионный, все зависит от трактовки выражения проф. Мужухоева «местами легкодоступными, подход к которым не был естественно укреплен». Дело ведь не в том, на какой высоте над уровнем моря находится башенный объект, или высота его локации относительно других, а именно в степени доступности подхода непосредственно к башне, т.е. под доступностью понимается не оценка расположения башни по относительной высоте местности, а именно рельеф непосредственно вокруг башни, естественные трудности подхода к ней (обрывы, утесы, крутизна доступа), что на примере башен Вовнушки вполне аргументировано проф.

Мужухоевым. Но для окончательного ответа на этот вопрос необходимо сделать статистический анализ по всему массиву боевых башен.

При этом важно отметить, что наличие машикулей (или их отсутствие) не может служить существенным отличительным признаком для отнесения башен к тому или иному типу. Например, у плоскокровельных «Башен двух соперниц» (инг. Шин энгара *g*Гала) и башен сел. Цори машикули есть, а у такого же типа башен средневекового башенного комплекса Вовнушки их нет. И для боевых башен типа I наличие машикулей распространено, но не строго обязательно (например, Ананурская башня в Дарьяльском ущелье). Очевидно, все зависит от рельефа соответствующей местности и особенностей самой постройки, трудностью подхода к входу и т.п.

Таким образом, попытка реализовать комплексный конструктивно-функциональный принцип в классификации проф. М.Б. Мужухоева, основанная на убедительных, но немногочисленных примерах, не учитывает всего массива эмпирического материала и, как следствие, может быть поставлена под сомнение по причине узости доказательной базы и недоучета наличного на сегодняшний день материала по описанным боевым башням. Но положение даже несколько сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Оказалось, что и сама критика положений классификации М.Б. Мужухоева страдает рядом недостатков, а именно: она не основывается на сплошном статистическом анализе, что не позволяет разграничить те фактические примеры, которые противоречат установленным закономерностям, от неизбежных исключений из них. Во-вторых, она не носит системный характер, т.е. не предлагает альтернативную классификацию, включающую такие индикаторы, которые позволили бы воссоздать облик разрушенных боевых башен по их конструктивным особенностям или иным показателям. И в-третьих, она основывается на литературных примерах, которые зачастую носят бездоказательный характер, декларативно относят даже руины башен к тому или иному типу или виду без всякой серьезной аргументации. В итоге получается, что то, что само подлежит идентификации, выдвигается как аргумент, что методологически неверно и непродуктивно.

Заключение

Существующие классификации типов и видов боевых ингушских башен, основанных на таких принципах, как: описательный, социально-классовый, территориально-субэтнический и хронологический, не могут в целом удовлетворять требованиям реконструкции истинного внешнего облика руинированных или полуразрушенных боевых башен. Классификация, основанная на конструктивно-функциональном принципе, предлагаемая проф. М.Б. Мужухоевым, также не всегда применима по причине узости доказательной базы и недоучета наличного на сегодняшний день материала по описанным боевым башням. Вместе с тем, альтернативной системной модели классификации, которая позволила бы реконструировать облик средневековых башенных сооружений Ингушетии, пока не предложено.

Таким образом, важнейшей задачей на данном этапе является разработка такой конструктивно-функциональной или иной модели, которая учитывала бы весь наличный фактический материал и которая, вкуче с экспертными оценками со стороны специалистов – этнологов, археологов, архитекторов и историков архитектуры, обеспечивала бы научно обоснованный, объективный подход при реставрации боевых башен Горной Ингушетии.

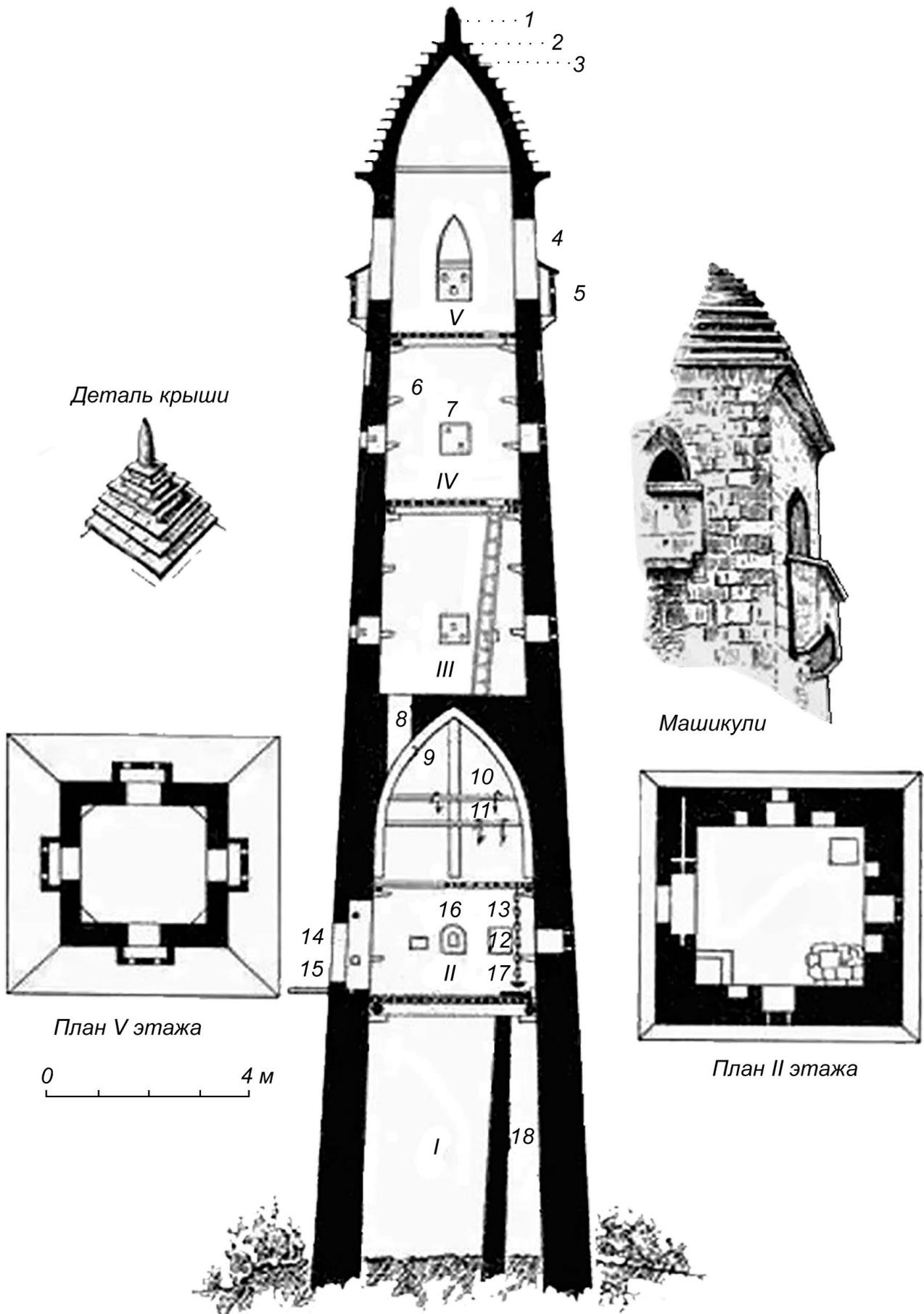

Рис. 1. Устройство и разрез ингушской боевой башни с пирамидально-ступенчатой кровлей.

Рис. П.И. Щеблыкина, 1928 г. (по: Щеблыкин, 1928. С. 8-9).

I. Разрез боевой башни: 1 – верхний камень, 2 – шиферная плитка, 3 – уступ крыши, 4 – наблюдательное окно, 5 – машикули, защитный балкончик, 6 – угловой камень, 7 – ниша с боевыми отверстиями, 8 – ход на третий этаж в своде, 9 – балки для подвешивания продуктов, 10 – крючья для мяса, 11 – глухая ниша, 12 – очажная цепь, 14 – лаз, 15 – балка для лестницы, 16 – слуховое окно, 17 – очаг, 18 – каменный мешок для зерна.

II. План второго этажа: 1 – лаз, 2 – канал для засова, 3 – угловой камень, 4 – слуховое окно, 5 – отверстие в первом этаже, 7 – ниша с боевыми отверстиями, 8 – плиты очага, 9 – каменный мешок.

III. Обитатели башни: I – пленники, II – стража и защитники, III – защитники и семьи, IV – защитники и семьи, V – наблюдатели и защитники

Fig. 1. Structure and section of an Ingush military tower with a stepped pyramidal roof. Fig. by P.I. Shcheblykin, 1928 (according to: Shcheblykin, 1928, p. 8-9).

I. Section of the military tower: 1 – top stone, 2 – slate tiles, 3 – roof ledge, 4 – observation window, 5 – machicolations, defensive balcony, 6 – corner stone, 7 – niche with combat holes, 8 – path to the third floor in the vault, 9 – beams for hanging products, 10 – hooks for meat, 11 – blind niche, 12 – hearth chain, 14 – manhole, 15 – beam for stairs, 16 – gable window, 17 – hearth, 18 – stone bag for grain.

II. Plan of the second floor: 1 – manhole, 2 – channel for a bolt, 3 – gable window, 4 – hole in the first floor, 5 – niche with combat holes, 8 – hearth slabs, 9 – stone bag.

III. The inhabitants of the tower: I – captives, II – guards and defenders, III – defenders and families, IV – defenders and families, V – watchers and defenders

Рис. 2. Боевая башня Белган. Источник: <https://www.livemaster.ru/topic/3596126-blog-ingushetiya-strana-bashen>

Fig. 2. Military tower Belgan. Source: <https://www.livemaster.ru/topic/3596126-blog-ingushetiya-strana-bashen>

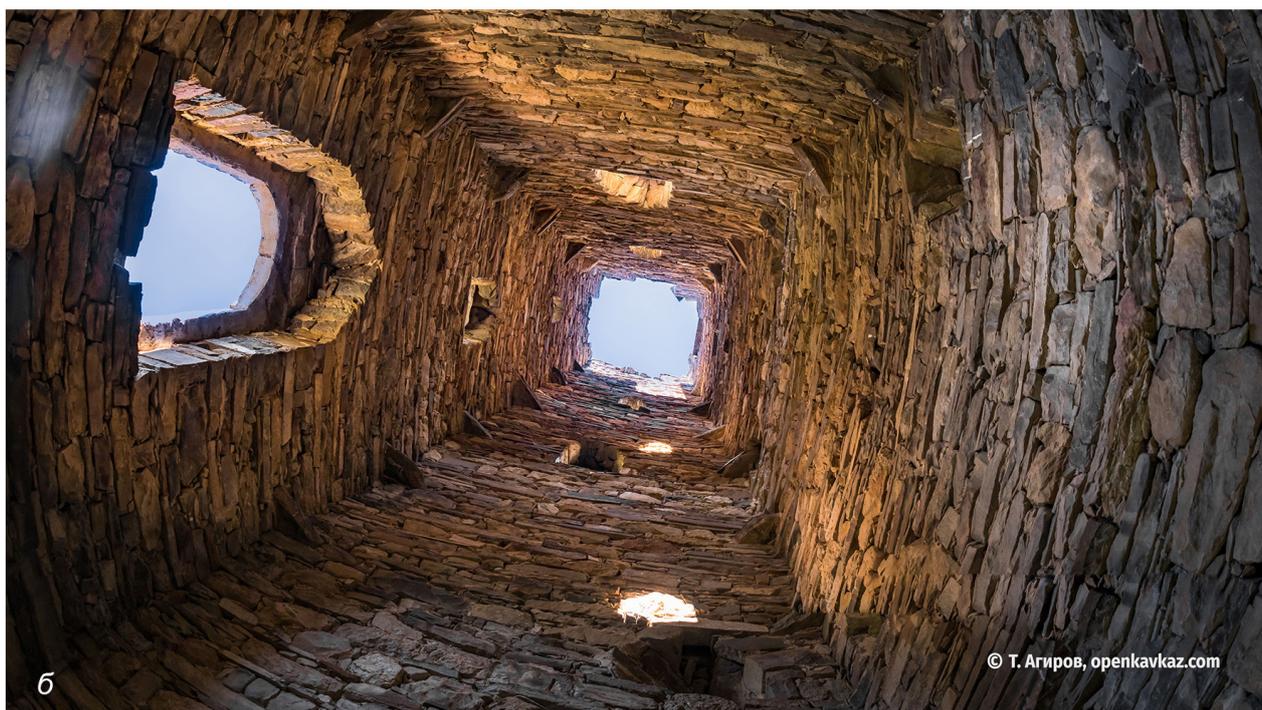

Рис. 3. Боевые башни «Две соперницы»: а – общий вид; б – вид внутри.
Фото Т. Агирова (<https://openkavkaz.com/ing/200/11/>)

Fig. 3. Military towers “Dve Sopertnitsy” (“Two Rivals”): а – general view; б – inside view.
Photo by T. Agirov (<https://openkavkaz.com/ing/200/11/>)

Рис. 4. Боевые башни Вовнушки. Фото Т. Агирова (<https://openkavkaz.com/ing/vovnushki>)

Fig. 4. Military towers Vovnushki. Photo by T. Agirov (<https://openkavkaz.com/ing/vovnushki>)

Рис. 5. Склеп Дзараха (Дзараха малхар каш) с пирамидально-ступенчатой кровлей в с. Фалхан. Фото автора

Fig. 5. Crypt of Dzarakha (Dzarakha malkhar kash) with a pyramidal-stepped roof in the village of Falkhan.
Photo of the author

а

б

Рис. 6. Боевые башни со ступенчато-пирамидальным завершением: а – общий вид башен с Эрзи. Фото Т. Агирова (<https://openkavkaz.com/ing/200/5/>); б – ступенчато-пирамидальная кровля и машикули (боевая башня Хутиевых, с. Лязги) (<https://the-dark-spirit.livejournal.com/7677.html>)

Fig. 6. Military towers with a step-pyramidal roof: a – general view of the towers of Erzi. Photo by T. Agirov (<https://openkavkaz.com/ing/200/5/>); b – step-pyramidal roof and machicolations (military tower of the Khutiev, village of Lyazghi) (<https://the-dark-spirit.livejournal.com/7677.html>)

Рис. 7. Боевая башня комплекса замка Дзараха, с. Фалхан. Каменный свод второго яруса с гуртами. Фото автора.

Fig. 7. Military tower of the Dzaraha castle complex, Falkhan village. Stone vault of the second tier with reinforcing ribs. Photo of the author

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в горной Ингушетии в 1925-1932 годах. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 162с.
2. Щерблыкин И.П. Архитектура древних ингушских святилищ. Владикавказ: ИНГИК, 1928. – 30с.
3. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. 2-е изд. Магас: изд-во «Сердало», 2008. – 256с.
4. Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1995. – 437с.
5. Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII-XVII вв.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1977. – 179 с.
6. Басилов В.Н., Кобычев В.П. Галгай – страна башен // Этнографическое обозрение. 1971. №1. С. 120-135.
7. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушетии (материалы к археологической карте). Грозный: ЧИКИ, 1966. – 151 с.
8. Чахкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии. Т. I. Назрань, 2003. – 143 с.

REFERENCES

1. Semenov LP. *Archaeological and ethnographic research in mountainous Ingushetia in 1925-1932*. Nazran: LLC "Pilgrim", 2010. (In Russ.)
2. Shcheblykin IP. *Architecture of ancient Ingush sanctuaries*. Vladikavkaz: INGIK, 1928. (In Russ.)
3. Krupnov EI. *Medieval Ingushetia. 2nd ed.* Magas: Serdalo Publ., 2008. (In Russ.)
4. Tmenov VKh. *The architecture of medieval Ossetia*. Vladikavkaz: RIPP after V.A. Gassiev, 1995. (In Russ.)
5. Muzhukhоеv MB. *Medieval material culture of mountainous Ingushetia (XIII-XVII centuries)*. Grozny: Chechen-Ingush book publ., 1977. (In Russ.)
6. Basilov VN, Kobychев VP. Galgai – the country of towers. *Ethnographic Review*. 1971, 1: 120-135. (In Russ.)
7. Vinogradov Vb, Markovin VI. *Archaeological monuments of Chechen-Ingushetia (materials for the archaeological map)*. Grozny: CHIKI, 1966. (In Russ.)
8. Chakhkiev DYu. *Antiquities of the mountainous Ingushetia*. Vol. I. Nazran, 2003. (In Russ.)
9. Robakidze AI. Dwellings and settlements of the mountain Ingush people. In: *Caucasian ethnographic collection*. Issue II. Tbilisi, 1968. (In Russ.)

9. *Робакидзе А.И.* Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Вып. II. Тбилиси: [б. и.], 1968. – 268 с.
10. *Гольдштейн А.Ф.* Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975. – 175 с.
11. *Скитский Б.В.* К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Известия ЧИНИИИЯЛ. История. Грозный, 1959. Т. 1. С. 187-189.
12. *Гриценко Н.П.* Развитие феодальных отношений в Чечено-Ингушетии (XVI – первая половина XIX в. / Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. Гл.IV. Грозный, 1967. – 316с.
13. *Дахкильгов Ш.Э.* К вопросу о социально-экономическом строе ингушей (XVIII – 70-е года XIX в. / Страницы истории Ингушетии. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2005. – 543 с.
14. *Виноградов В.Б.* Генезис феодализма на центральном Кавказе // Вопросы истории, 1981. № 1. С. 35–51.
15. *Робакидзе А.И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ. 1978. № 2. С. 15–24.
16. *Чахкиев Д.Ю.* Древности горной Ингушетии. Т. II. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года», 2009. – 93 с.
17. *Гадиев У.Б., Мацковский В.В.* Дендрохронологические исследования в Ингушетии в 2014-2015 гг. / Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. Сборник тезисов Международной конференции «XXIX Крупновские чтения». Грозный, 2016. С. 269-270.
18. *Гадиев У.Б., Мацковский В.В.* Датировки памятников архитектуры горной Ингушетии методом радиоуглеродного анализа / Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Сборник тезисов Международной конференции «XXX Крупновские чтения». Карачаевск, 2018. -524с.
19. *Гадиев У.Б., Мацковский В.В.* Новые результаты радиоуглеродных исследований памятников архитектуры горной Ингушетии // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Махачкала, 2020. С. 318-319.
20. *Афанасьева В.К.* Архитектура стран Двуречья и Месопотамии // Всеобщая история архитектуры. М.: ВАА, 1970. Т.1. С. 196-211.
10. Goldstein AF. Medieval architecture of Chechen-Ingushetia and North Ossetia. Moscow: Nauka, 1975. (In Russ.)
11. Skitsky BV. On the issue of feudal relations in the history of the Ingush people. *Izvestia CHIIIIYAL. History*. Grozny. 1959, 1: 187-189. (In Russ.)
12. Gritsenko NP. The development of feudal relations in Chechen-Ingushetia (16th – the first half of the 19th century). In: *Essays on the history of the Chechen-Ingush ASSR*. Vol. 1. Part IV. Grozny, 1967. (In Russ.)
13. Dakhkilgov ShE. On the issue of the socio-economic structure of the Ingush (XVIII - 70s of the XIX century). In: *Pages of the history of Ingushetia*. Nalchik: El-Fa Publ., 2005. (In Russ.)
14. Vinogradov VB. The Genesis of Feudalism in the Central Caucasus. *Voprosy Istorii*. 1981, 1: 35-51. (In Russ.)
15. Robakidze AI. Some features of mountain feudalism in the Caucasus. *Soviet ethnography*. 1978, 2: 15-24. (In Russ.)
16. Chakhkiev DYu. *Antiquities of the mountainous Ingushetia*. Vol. II. Nalchik: Republican Polygraph Plant named after Revolution of 1905, 2009. (In Russ.)
17. Gadiev UB, Matskovsky VV. Dendrochronological research in Ingushetia in 2014-2015. In: *Study and preservation of the archaeological heritage of the peoples of the Caucasus. Collection of abstracts of the “XXIX Krupnov Readings” International Conference*. Grozny, 2016: 269-270. (In Russ.)
18. Gadiev UB, Matskovsky VV. Dating of architectural monuments in mountainous Ingushetia by radiocarbon analysis. In: *The Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. Collection of abstracts of the “XXX Krupnov Readings” International Conference*. Karachaevsk, 2018: 429-431. (In Russ.)
19. Gadiev UB, Matskovsky VV. New results of radiocarbon studies of architectural monuments in mountainous Ingushetia. In: *Archaeological Heritage of the Caucasus: Actual Problems of Study and Preservation. XXXI Krupnov Readings*. Makhachkala, 2020: 318-319. (In Russ.)
20. Afanasyeva VK. Architecture of Mesopotamia. In: *General History of Architecture*. Moscow: VAA, 1970. Vol. 1: 196-211. (In Russ.)

Поступила в редакцию 30.01.2023

Принята в печать 28.02.2023

Опубликована 30.03.2023

Received 30.01.2023

Accepted 28.02.2023

Published 30.03.2023